

DOI 10.35775/PSI.2025.125.8.012

УДК 32.327

ПЕКШЕН ДЖЕЛАЛ

аспирант Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН),
Россия, г. Москва
E-mail: celalpeksen@yandex.com

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФРОНТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРЕЧЕСКОГО ПАТРИАРХАТА ФАНАРА

Холодная война была не только периодом политического и военного соперничества, но и напряженной идеологической и религиозной борьбы. Противостояние Запада и Востока принесло с собой использование религиозных институтов, ценностей и дискурсов в качестве инструментов пропаганды.

Во время холодной войны, которая началась с окончанием Второй мировой войны и продолжалась до распада Советского Союза, мир был разделен на два фронта – военный и политический. Одним из других фронтов холодной войны, который вызвал вооружение в военном плане и усиление блочности в политическом, была религия. В период холодной войны соперничество между церквями также стало частью идеологической борьбы между двумя державами того времени – США и СССР.

Греческий патриархат Фанара, которому было разрешено остаться в Турции при условии, что он не будет заниматься политической деятельностью, приобрел стратегическое значение с окончанием Второй мировой войны. Патриархат, чья религиозная и политическая власть значительно ослабла после Лозаннского мирного договора, стал важным фронтом для западного блока с началом холодной войны. Духовный авторитет Патриархата, определяемый как «первый среди равных», превратился в поле битвы между США и Советским Союзом во время холодной войны. В этот период греческий патриархат Фанара стал важнейшим игроком для США на религиозном фронте борьбы между Востоком и Западом против СССР, география и население которого были в основном православными. С другой стороны, Советский Союз превратил Русскую православную церковь в Москве в инструмент своей политики влияния.

С началом холодной войны греческий патриархат Фанара рассматривался Соединенными Штатами и западными державами как влиятельный институт в православном мире, противостоящий Советскому Союзу, и стал политическим и дипломатическим инструментом в этом направлении. Цель данной статьи – раскрыть политическую деятельность Фанарского греческого патриархата в годы холодной войны, который стал политическим аппаратом Соединенных Штатов.

Ключевые слова: Холодная война, Соединённые Штаты Америки, Советский Союз, Греческий патриархат Фанар, Турция.

Введение. Период холодной войны стал ареной не только военной и политической, но и идеологической и религиозной конкуренции между США и Советским Союзом. В этом контексте Фанарская греческая патриархия и Русская православная церковь оказались в центре борьбы за религиозное лидерство в православном мире, и обе структуры были интегрированы в стратегии внешней политики глобальных держав. В частности, в этот период стало очевидным использование религии в качестве «мягкой силы» в международных отношениях.

США стремились установить свое влияние в православном мире через Фанарскую патриархию, противостоящую советскому влиянию; ключевую роль в этой стратегии сыграл патриарх Афинагор I, занимавший этот пост в 1948–1972 годах. Афинагор был избран патриархом при поддержке США и прибыл в Стамбул на личном самолете президента Трумэна. То, что он часто называл себя «религиозным крылом доктрины Трумэна», свидетельствует о том, что его роль была не только религиозной, но и политической. В этом контексте «экуменический» статус Патриархии стал инструментом лидерства в православном мире в период холодной войны при поддержке США.

Советский Союз аналогичным образом использовал Московскую Патриархию в качестве инструмента для достижения своих внешнеполитических целей. Таким образом, религиозные структуры стали частью идеологической и дипломатической борьбы за влияние в двухполярном мировом порядке.

Данная работа направлена на анализ того, как Фанарская патриархия в контексте холодной войны позиционировалась США в качестве инструмента мягкой силы, в историческом и теоретическом контексте. Исследование проводилось с использованием качественного метода; события оценивались в хронологическом порядке, а высказывания участников анализировались с помощью метода контент-анализа. Анализ высказываний использовался в качестве основного инструмента для понимания стратегических позиций и стремления к легитимности участников.

В качестве первичных источников были проанализированы документы OSS (Office of Strategic Services), отчеты ЦРУ, дипломатическая переписка Государственного департамента США и пресса того периода. Кроме того, теоретическая основа была подкреплена вторичными источниками, включающими академическую литературу на турецком, русском и английском языках, биографические работы и исторические анализы.

В теоретической основе было взято понятие «мягкой силы» Джозефа Найя; обсуждалось, как Фанарская греческая патриархия, помимо своей роли религиозной структуры, функционировала в глобальных стратегиях США. Кроме того, был проведен сравнительный анализ с позицией Московской патриархии в советской внешней политике, выявлена многоуровневая роль религиозных институтов в международной политике.

1. Положение Фанарской греческой патриархии до начала холодной войны. Для понимания роли Фанарской патриархии в период холодной войны важное значение имеет ее правовое положение в Турции. После заключения

Лозаннского мирного договора политические и административные полномочия патриархии были упразднены, и ей было позволено оставаться лишь учреждением, занимающимся религиозными делами православной общины Стамбула. Мустафа Кемаль Ататюрк назвал Патриархию «гнездом раздора и измены», но под давлением Великобритании, США и Греции ей было позволено остаться в Стамбуле при условии, что она не будет вмешиваться в политику [6. С. 57]. Во многих кругах это было расценено как то, что Патриархия в будущем станет «троянским конем» для внешнего вмешательства [19. Р. 479-514].

Хотя это и не было зафиксировано в официальном договоре, все привилегии Патриархии были отменены, а ее сотрудники были подвергнуты государственному контролю в статусе турецких чиновников [8. С. 201]. На Лозаннской мирной конференции лорд Керзон, британский министр иностранных дел, также утверждал, что Патриархат должен остаться в Стамбуле при условии, что он будет очищен от политического характера и преобразован в структуру, занимающуюся исключительно религиозными вопросами [1. Р. 207-219].

Таким образом, после Лозаннской конференции отношения между турецким правительством и греческим Патриархатом Фанара стали рассматриваться как внутреннее дело независимого турецкого государства; хотя статус Патриархата оставался символически священным, его реальный авторитет, власть и влияние ушли в прошлое [2. С. 186-199]. В период с 1923 по 1945 год Патриархия оставалась без влияния и занималась исключительно религиозной деятельностью со своей ограниченной общиной. Однако с началом холодной войны положение Патриархии радикально изменилось в соответствии со стратегией США по установлению влияния в православном мире.

2. Религия как элемент мягкой силы: трансформация Московского патриархата в начале холодной войны. Развитие отношений между США и Фанарским Патриархатом в период холодной войны напрямую связано с изменениями в религиозной политике Советского Союза. Стратегическое изменение в отношении Советского Союза к религии ускорило поиск США альтернативной власти в православном мире.

Хотя официальной идеологией Советского Союза был атеизм, во время и после Второй мировой войны это отношение значительно смягчилось. В начале войны религия рассматривалась как идеологическая угроза, церкви закрывались, а духовенство подавлялось. Однако нацистская оккупация и растущая потребность в поддержке населения заставили Сталина обратиться к церкви. В этот период религия была использована для выживания социалистической системы; предоставленные свободы были фактически ограничены механизмами контроля. Ведь в советском идеологическом дискурсе конфликт между капитализмом и социализмом конструировался не только как экономический или социальный, но и как символическая оппозиция между прошлым и будущим [4. Р. 167.].

Патриотической настрой Московского патриархата во время войны, значение, придаваемое национальным традициям, религиозное возрождение

на оккупированных нацистами территориях и желание противостоять фашистской пропаганде – все это способствовало изменению политики. Советы придавали все большее значение Церкви, чтобы создать во внешнем мире образ толерантного и демократического государства. В соответствии со стратегией Сталина, Патриархия была превращена в инструмент внешней политики, который одновременно способствовал развитию патриотизма внутри страны и установлению связей с влиятельными кругами на Балканах, Ближнем Востоке и в Северной Африке. Такой подход произвел благоприятное впечатление на западное общественное мнение, и Церкви была отведена важная роль в послевоенной глобальной стратегии [5. С. 10-11].

Наиболее заметным переломным моментом стало официальное восстановление Московской патриархии в 1943 году. Этим шагом Сталин открыл для церкви контролируемое пространство, чтобы использовать ее в внешней политике. Патриархия взяла на себя не только религиозные, но и стратегические функции с точки зрения советской внешней политики. В период после 1943 года возобновление работы культовых сооружений, открытие духовных семинарий и реорганизация церковного управления стали частью этой стратегии.

Встречи Сталина с религиозными лидерами в 1945 году стали поворотным моментом в превращении религии в институциональный инструмент советской внешней политики. В ходе этих встреч предпринимались попытки расширить сферу влияния в православном мире, в частности, через Московскую патриархию были активизированы дипломатические усилия в таких регионах, как Иерусалим, Кипр и Сирия. Эти инициативы были направлены как на формирование более лояльного отношения к Советскому Союзу в западной общественности, так и на утверждение лидерства в православном мире [11. Р. 16-17].

Политика Сталина создала серьезную угрозу для США: переход православного мира под контроль Советского Союза. Поэтому США, в частности, поддерживая Фанарскую патриархию, стремились создать противовес влиянию Москвы. Растущее влияние Москвы в православном мире стало определяющим фактором в том, что США стали рассматривать Фанарскую патриархию как инструмент «мягкой силы».

В 1945-1948 годах сближение между Советским Союзом и церковью выразилось в том, что церковь стала использоваться как внутри страны для подчеркивания патриотизма, так и за ее пределами в качестве инструмента геополитического влияния. Паломничество Алексия в Святую Землю является одним из ярких примеров этого периода; визит нес как религиозный, так и политический смысл [3. С. 143]. В те же годы участие патриархов Александрии, Антиохии и Иерусалима в соборе, организованном в Москве, укрепило позиции Московской патриархии, поддерживаемой Советским Союзом, в православном мире [3. С. 143].

Однако после 1948 года этот процесс изменил направление. Сталинское руководство по разным причинам отозвало свою поддержку церкви; на эту политику повлияли неудачи в политике на Средиземноморье и Ближнем Востоке, а также снижение интереса к восточным патриархатам [5. С. 3]. Церковь вновь оказалась

в более ограниченном пространстве, но теперь ее дипломатическая ценность была закреплена как для Запада, так и для Востока [11. Р. 38].

В этот период Запад начал более интенсивно использовать религию в качестве идеологического инструмента, в частности США активно задействовали религиозных лидеров в своей стратегии создания «духовного фронта против коммунизма». Советский Союз, в свою очередь, объявил эти заявления Запада «империалистической атакой на основе религии» и определил Ватикан как институт, служащий англо-американским интересам [4. С. 171]. На протяжении всей холодной войны религия использовалась Западом в качестве идеологического инструмента против Советского Союза, что символизировалось дискурсом «крестового похода». Советская пропаганда представляла этот дискурс как индикатор западной агрессии, основанной на религии, и позиционировала религиозные институты как акторов геополитического и идеологического конфликта [4. С. 168].

В результате советская религиозная политика Сталина лишила Русскую православную церковь статуса идеологической угрозы и превратила ее в эффективный инструмент «мягкой силы» во внешней политике. Эта трансформация побудила США аналогичным образом оценить Фанарскую патриархию как стратегический инструмент. Растущее международное влияние Москвы через церковь сделало Фанарский патриархат незаменимым элементом на религиозном фронте холодной войны с точки зрения США.

3. Место религии в внешней политике США: создание духовного фронта в холодной войне. Роль религиозных институтов в международных отношениях в период холодной войны требует применения многостороннего подхода, выходящего за рамки классических государственно-ориентированных моделей анализа. В этот период религия стала не только системой верований, но и одним из основных инструментов идеологической конкуренции и политики культурного влияния, выполняя стратегическую функцию в контексте «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы», сформулированная Джозефом С. Найем-младшим, определяет способность влиять на других в международных отношениях без угроз или материальных вознаграждений, а посредством притяжения. Най описывает эту силу следующим образом: «Мягкая сила – это способность добиваться желаемого не путем принуждения или материальных стимулов, а посредством привлекательности. Эта сила проистекает из привлекательности культуры, политических идеалов и политики страны» [12]. Таким образом, мягкая сила означает воздействие на акторов через их ценности, нормы и восприятие легитимности, основанное на принятии, а не на принуждении. В этом смысле Най, говоря о мягкой силе как о способности формировать предпочтения других, подразумевает, что эта сила основана на способности изменять предпочтения других [12. Р. 5].

Религии, как носители культурной идентичности и система ценностей, выступают в качестве основного фактора, усиливающего или ограничивающего влияние мягкой силы. Джозеф Най, подчеркивая эту двойственную роль

религии, оценил ее как один из потенциальных источников американской мягкой силы. По мнению Най, влияние религии в контексте мягкой силы определяется не только ее содержанием, но и тем, «кто ее использует» [12. Р. 59].

В условиях идеологической поляризации холодной войны религия стала стратегическим элементом внешней политики президента США Гарри С. Трумэна. Трумэн пытался мобилизовать мировую общественность против Советского Союза не только с помощью военных и экономических мер, но и с помощью концепции «борьбы цивилизаций», подкрепленной религиозной риторикой [9. Р. 77]. В этом контексте религия позиционировалась как средство для завоевания поддержки внутренней общественности и установления морального превосходства над советским атеизмом [9. Р. 78].

Принятая США политика сдерживания (containment) имела не только военный и идеологический, но и религиозный аспект. Борьба с коммунизмом представлялась американской общественности как конфликт между «добром и злом» и «верующими и неверующими». Отношение коммунистических режимов к религии подготовило почву для отождествления США религиозных свобод с демократией; таким образом, американские ценности были представлены не только как политическая, но и как моральная система [7. Р. 130].

В основе этой политики лежит тот факт, что религия рассматривается не только как система верований, но и как эффективный инструмент психологической войны. Во времена холодной войны религия играла важную роль в пропаганде и идеологической борьбе; антикоммунистический дискурс становился сильнее и легитимнее, если подкреплялся религиозными обоснованиями [9. Р. 93]. Трумэн отождествлял Советский Союз с безбожием, возвышая США как представителя моральной правоты. По его мнению, эта борьба была войной ценностей между верующей христианской цивилизацией и материалистическим коммунизмом. В соответствии с этим пониманием были установлены контакты не только с протестантскими кругами, но и с католическими, иудейскими и мусульманскими лидерами; целью было создание широкого духовного союза [9. Р. 77].

Администрация Трумэна рассматривала Ватикан как союзника в этой идеологической борьбе; особенно антикоммунистическая позиция папы Пия XII укрепила этот подход. Победа христианских демократов на выборах в Италии в 1946 году была связана США с влиянием папства. Эта ситуация показывает, что религия в международной политике рассматривалась не только как вера, но и как средство политической легитимности и управления [9. Р. 79].

На протяжении холодной войны религия перестала быть исключительно вопросом личного вероисповедания и стала моральным основанием претензий США на глобальное лидерство. Демократия и мир были напрямую связаны со свободой вероисповедания; режимы, подавляющие веру, определялись как угроза и враг. Ярким проявлением этой стратегии стало поручение Трумэна представителю Ватикана в 1947 году объединить представителей разных религий против коммунизма [13].

В результате, в ходе холодной войны религия выступала в внешней политике США как нормативная отправная точка и стратегический инструмент. Такой подход лег в основу политики в отношении Фанарской патриархии и коренным образом изменил роль религиозных институтов в международных отношениях.

4. Избрание Афинагора Патриархом и геополитический ход США. Идеологическая и культурная поляризация холодной войны оказала определяющее влияние на подход США к религиозным институтам, и в ходе этого процесса Фанарская греческая патриархия рассматривалась не только как религиозный институт, но и как актер, выполняющий геополитическую функцию. США стратегически подошли к Фанарской патриархии с целью ограничить советское влияние в православном мире и создать прозападный религиозный центр. В этом контексте избрание патриарха Афинагора при поддержке Вашингтона выделяется как пример вмешательства, дополняющего идеологическую и религиозную составляющие доктрины Трумэна.

Опубликованные отчеты ЦРУ и документы OSS показывают, что интерес США к Патриархии носил систематический характер. В частности, утверждения о плохом состоянии здоровья патриарха Максима и его близости к Советскому Союзу укрепили Вашингтон в убеждении, что этот человек не подходит для лидерской роли. Сообщения о том, что Максимос получал материальную поддержку от Советского Союза и дистанцировался от греческого коммунистического сопротивления, были встречены США с беспокойством, что послужило почвой для его отставки [10. S. 186].

После этих событий на патриарший престол с поддержкой США был возведен митрополит Северной и Южной Америки Афинагор, долгое время проработавший в США. Тот факт, что Афинагор не имел гражданства Турецкой Республики на момент избрания патриархом, несмотря на то, что это противоречило Лозаннскому договору, свидетельствует о том, что Анкара пошла на уступки под давлением США. После избрания он был доставлен в Стамбул на специальном самолете президента Трумэна и быстро получил турецкое гражданство, что является ярким свидетельством прямого вмешательства США в этот процесс [26. P. 479-514].

Одним из наиболее ярких документов, свидетельствующих о масштабах этого вмешательства, является внутренняя переписка OSS от 26 марта 1942 года. В записке, направленной сотрудником разведки Улиусом Л. Амоссом своему коллеге Дэвиду Бернсу, переданы следующие слова Афинагораса: «У меня есть три епископа, триста священников и большая организация, охватывающая обширную территорию. Все, кто находится под моим командованием, теперь подчиняются вам. Вы можете направлять их на выполнение любых задач, которые сочтете необходимыми. Вам не будут задавать вопросов, и ваши указания будут выполняться в полном объеме» [15. P. 4].

Кроме того, в документе от 28 мая 1969 года американский бизнесмен греческого происхождения Спирос Скурас сообщил, что госсекретарь США Джордж Маршалл проконсультировался с ним по поводу кандидатуры Афинагораса

на пост патриарха. Скурас отметил, что этот процесс непосредственно контролировался президентом Трумэном и Маршаллом и что избрание Афинагораса имело стратегическое значение с точки зрения интересов внешней политики США в православном мире [20].

Афинагор открыто признал политический характер этого процесса и в интервью *New York Herald Tribune* прямо поддержал стратегию США в православном мире, заявив: «Я представляю религиозную часть доктрины Трумэна». В своей речи в Чикаго перед отъездом в Турцию он также заявил, что «первая линия обороны США теперь простирается до Карса», тем самым выразив, что они являются частью западной линии обороны как в географическом, так и в идеологическом смысле [14].

Под руководством Афинагора Патриархия вышла за пределы стамбульской общины и приступила к осуществлению «экуменической» миссии. Это утверждение было не только религиозным лидерством, но и частью геополитической стратегии, поддерживаемой Западом, направленной на ограничение международного влияния Московской патриархии. Установление Афинагором отношений с Ватиканом и начало католическо-православного диалога были оценены как еще одна дипломатическая инициатива, дополняющая эту стратегию.

Патриарх Афинагор открыто заявлял о своей приверженности американским ценностям, особенно подчеркивая «политику добрососедства», демократические принципы и свое доверие к смелости и прямоте Америки [30. P. 190]. Со временем Афинагор усилил свое влияние в православных церквях и открыто ставил перед собой цель содействовать борьбе с коммунизмом в христианском мире [16]. Опубликованные документы показывают, что он активно реализовывал свои планы по сближению церковью Ближнего Востока как с Фанарской патриархией, так и непосредственно с Америкой, и проявлял в этом вопросе невиданный ранее оптимизм [21].

В этом контексте Фанарская патриархия в условиях холодной войны стала не только религиозным, но и культурным, идеологическим и дипломатическим игроком. Слова Афинагораса и его действия, подтвержденные архивными документами, ясно показывают, что патриархия использовалась США в качестве элемента «мягкой силы», уравновешивающего советское влияние.

Заключение. Период холодной войны не ограничивался лишь военной и политической конкуренцией; он также стал ареной ожесточенной борьбы в идеологической и религиозной сферах. В этом контексте борьба за лидерство между Фанарской греческой патриархией и Московской патриархией стала одним из ярчайших примеров религиозной конкуренции в православном мире. США рассматривали Фанарскую патриархию как стратегический инструмент влияния против советского влияния и сыграли прямую роль в избрании патриарха Афинагора. Такая ориентация свидетельствует о том, что религия стала активным элементом внешней политики в соответствии с доктриной Трумэна.

Аналогичным образом Советский Союз использовал Московскую патриархию в качестве инструмента внешней политики, направляя религиозные структуры

в соответствии со своими идеологическими целями. Дипломатическая переписка, разведывательные отчеты и официальные документы времен холодной войны показывают, что Фанарская патриархия выступала не только в качестве религиозного, но и в качестве политического и стратегического игрока. Попытки Патриархии легитимизировать свой «экуменический» титул на международном уровне также являются конкретным проявлением этой многогранной роли.

Исследование показывает, что религиозная легитимность может быть воспроизведена с помощью внешнего вмешательства, что в долгосрочной перспективе может привести к институциональной уязвимости. Избрание Афинагора патриархом при поддержке США является конкретным примером того, как мягкая сила действует в религиозной сфере, однако этот процесс повредил отношениям с другими структурами православного мира, в первую очередь с Москвой. Краткосрочные стратегические выгоды привели к долгосрочным институциональным рискам.

В этом контексте исследование предлагает переосмыслить теорию «мягкой силы» Джозефа Найя в контексте религиозных институтов. Религиозные структуры являются не только источниками культурной привлекательности, но и хрупкими структурами, которые используются для достижения внешнеполитических целей, но при этом несут риск потери внутренней легитимности. Поддержка, оказанная США Фанарской патриархии, и инструментализация Московской патриархии Советским Союзом показывают, что этот подход был распространен в условиях двухполярного мирового порядка.

Сегодня наблюдается продолжение аналогичной динамики. Признание Фанарской Патриархии в 2018 году автокефалии Украинской Православной Церкви является не только религиозным решением, но и политической позицией по отношению к России и открытым сигналом Западному альянсу. Реакция Москвы и поддерживающие заявления США показывают, что Патриархия по-прежнему остается эффективным инструментом в глобальном балансе сил.

В результате Фанарская Патриархия, как актер, находящийся на стыке религиозной власти и международной стратегии, сегодня, как и в прошлом, выполняет геополитическую функцию как в культурном, так и в политическом смысле. Данная работа представляет собой оригинальный вклад в литературу по мягкой силе, анализируя пределы, риски и преобразующее воздействие инструментализации религиозных институтов во внешней политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ермилов П.В., Чибисова А.А. Трактовка роли Лозаннской конференції в історії Константинопольського патріархату в грецькій історіографії ХХ в.: стереотипи і реалії // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. No. 2 (24).

2. **Чибисова А.А., Ермилов П.В.** «Всеpravославный лидер»: Лозаннская конференция и роль константинопольского патриархата в православном мире // Диалог со временем. 2018. Вып. 63.
3. **Чумаченко Т.А.** В русле внешней политики сталинского руководства // Вестник ЧелГУ. 2014. № 22.
4. **Шахнович М.** Холодная война и идеологическая борьба на «Религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. No. 1 (35).
5. **Шкаровский М.** Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943-1953 годах // Acta Slavica Iaponica. 2009. № 27.
6. Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri, Cilt III, (1918-1937), Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Atatürk Araştırma Merkezi, Ankara, 1997.
7. Ayşe Aslı Bilge, The Greek Orthodox Patriarchate of Istanbul: Its Current Status and International Claim with Reference to Turkey's EU Membership Process. PhD diss., Marmara University, 2012.
8. **Bülent Atalay.** Fener Rum Ortodoks Patrikhanesi'nin Siyasi Faaliyetleri (1908-1923). Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2020.
9. **Dianne Kirby.** Harry Truman's Religious Legacy: The Holy Alliance, Containment and the Cold War, in Religion and the Cold War, ed. Dianne Kirby. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2003.
10. **Elçin Macar.** Cumhuriyet Döneminde İstanbul Rum Patrikhanesi, İstanbul: İletişim Yayınları, 2003.
11. **John Anderson.** Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
12. **Nye Joseph S.** Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs. 2004.
13. **Philip E.** Muehlenbeck, Religion and the Cold War: A Global Perspective. Nashville: Vanderbilt University Press, 2012.
14. Sypros Skouras to Vice President Spiro Agnew, 28 May 1969, Message from Patriarch Athenagoras, Prudential Lines, Inc. U.S. Declassified Documents Online // <https://orthodoxhistory.org/wp-content/uploads/2021/02/1969-05-28-Skouras-to-Vice-President-Agnew-re-Athenagoras.pdf> (Erişim tarihi: 5 Mayıs 2025).
15. **Ulius L.** Amoss to David Burns, March 26, 1942, Declassified OSS archive.
16. U.S. Department of State, Memorandum on the Conversation between the Patriarch and Consul General LeVerne Baldwin on February 1, 1950, May 26, 1950.
17. U.S. Department of State, Interview with the Patriarch, despatch no. 193 from Istanbul, September 22, 1950, by Frederick T. Merrill, American Consul, to the Department of State.
18. U.S. Department of State, Memorandum from F.T. Merrill to the Consul General regarding a Conversation with His Holiness the Oecumenical Patriarch, Athenagoras, April 4, 1951.

19. **Yalçın Emruhan.** Fener Rum Ortodoks Patrikhanesi'nin Ekümenikliği Tartışmaları Ve Gerçekler // Atatürk Yolu Dergisi. 13, sy. 50 (Aralık 2011).
20. <https://www.orthodoxhistory.org/wp-content/uploads/2022/05/1942-correspondence-between-Athenagoras-OSS-head.pdf>.
21. <https://www.orthodoxhistory.org/wp-content/uploads/2020/01/1950-05-26-US-State-Dept-account-of-US-Consul-General-conversation-with-Athenagoras.pdf>.
22. <https://www.orthodoxhistory.org/wp-content/uploads/2020/01/1951-04-04-US-State-Dept-US-consul-conversation-with-Athenagoras.pdf>.

PEKSHEN DZHELAL

Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia

THE RELIGIOUS FRONT OF THE COLD WAR: POLITICAL ACTIVITIES OF THE GREEK PATRIARCHATE OF PHANAR

The Cold War was not only a period of military and political competition, but also one of intense struggle on ideological and religious fronts. This opposition between the West and the East led to religious institutions, values, and discourses being used as propaganda tools. In this context, the Greek Orthodox Patriarchate of Fener, which continued to exist on the condition that it would not interfere in political activities in Turkey, gained strategic importance after World War II and was positioned by the Western bloc as an influential institution in the Orthodox world against the Soviet Union. The US regarded the Patriarchate not only as a religious authority but also as a geopolitical tool to limit Soviet influence.

This study examines how the Ecumenical Patriarchate of Constantinople was used as an element of soft power by the US in the context of the Cold War. The research analyzes how the US restructured the Ecumenical Patriarchate of Constantinople in parallel with the policies developed by the USSR through the Moscow Patriarchate, and the impact of this process on the balance of power in the international Orthodox world. Conducted using a qualitative method, the study evaluates primary sources such as OSS and CIA reports and US State Department documents, as well as historical materials, using discourse analysis. Within the theoretical framework, Joseph Nye's concept of «soft power» was used as a basis for discussing the processes by which religious institutions became tools of foreign policy. The findings show that the Greek Orthodox Patriarchate of Constantinople redefined its religious legitimacy to serve US interests and that this transformation provides important clues about the strategic function of religion in international relations.

Key words: Cold War, United States of America, Soviet Union, Greek Patriarchate Phanar, Turkey.